

Такое законодательное решение видится вполне разумным. Особенности правового регулирования устанавливаются в зависимости от специфики существа регулируемых отношений. Если какая-либо деятельность соответствует признакам предпринимательской (самостоятельность, рисковый характер, систематичность в осуществлении и направленность на систематическое извлечение прибыли), то она должна быть квалифицирована в качестве таковой вне зависимости от того, имеет ли осуществляющий ее субъект статус предпринимателя. Например, правило о безвиновной гражданско-правовой ответственности в предпринимательской деятельности имеет значение вне зависимости от формализации статуса ее субъекта.

Таким образом, считаем, что к легальным признакам предпринимательской деятельности необходимо относить: самостоятельность осуществления; наличие рискового характера; систематичность в осуществлении; направленность на систематическое получение прибыли. Наличие же государственной регистрации должно рассматриваться только в качестве условия законности такой деятельности, но не в виде сущностного его признака.

Синенко Владимир Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой трудового и
предпринимательского права
Юридического института НИУ «БелГУ»
Филянова Татьяна Валерьевна,
магистрант кафедры трудового и
предпринимательского права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород)

МАТЕРИАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НИЧТОЖНЫХ И ОСПОРИМЫХ СДЕЛОК

Ничтожность и оспоримость юридических сделок, которая проводится в современном российском законодательстве и гражданско-правовой доктрине, является традиционной. Подобное деление сделок использовалось с древнейших законодательных актов как римского, так и европейского права. Так, например, нормы, посвященные ничтожности и оспоримости сделок, содержатся в Гражданском кодексе Франции 1804 г. (Кодекс Наполеона), Германском гражданском уложении 1896 г. и др.

Действующий ГК РФ впервые в истории российского законодательства легализовал деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые (ст. 166 ГК РФ). Включение подобного деления породило некоторые проблемы

как в теории, так и в практическом применении соответствующих норм. Это поставило сомнение в отношении целесообразности выделения вышеобозначенных видов недействительных сделок¹.

Одной из таких проблем стало определение критериев деления между ничтожными и оспоримыми сделками. Такие критерии принято разграничивать на формальные и материальные (сущностные).

Формальный критерий основывается на прямом указании закона о том, что оспоримая сделка недействительна в силу признания ее таковой судом; ничтожная сделка недействительна независимо от такого признания (п. 1 ст. 166 ГК РФ).

Касательно материального критерия можно отметить следующее. В настоящее время несколько доминирует идея о разграничении недействительных сделок на ничтожные и оспоримые в зависимости от того, чьи интересы затронуты совершением порочной сделкой. Данная идея имеет рациональное зерно, поскольку подтверждает, что право оспаривать сделку по мотивам ничтожности имеет более широкий круг лиц, нежели оспоримые.

Наличие же публичного интереса следует из содержания абз. 1 п. 3 ст. 166 ГК: «Требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе предъявить сторона сделки, а в предусмотренных законом случаях также иное лицо» и п. 4 ст. 166 ГК РФ: «Суд вправе применить последствия недействительности ничтожной сделки по своей инициативе, если это необходимо для защиты публичных интересов, и в иных предусмотренных законом случаях».

В тоже время данный критерий имеет несколько условный характер в силу того, что «гражданских правоотношения частный интерес зачастую пересекается с публичным. В настоящее время гражданское законодательство уже не является исключительно частным, поскольку в его содержание включено немало публично-правовых норм»². Полагаем, что такой критерий может определяться только по схеме: частный интерес защищается нормативной конструкцией оспоримости, а публичный – ничтожности.

В принципе, действительно, оспоримость должна быть направлена на защиту индивидуального (частного) интереса. В пользу этого говорит тот факт, что такие сделки действительны вплоть до того момента, пока не будет принято решение суда по иску заинтересованного лица. Если такая сделка не оспаривается, то она влечет за собой именно те последствия, которые предполагали сто-

¹ Желонкин С.С. О необходимости закрепления дефиниции ничтожных и оспоримых сделок в Гражданском кодексе РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 8. С. 95.

² Желонкин С.С. Конфискационные последствия антисоциальных сделок: соотношение частных и публичных интересов // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 10. С. 18.

роны при ее заключении. Это возможно только в той ситуации, когда не затрагиваются публичные и иные общественные интересы.

Публичный интерес не может быть поставлен в зависимости от воли отдельного частного лица к оспариванию подобной сделки. Это явно не будет соответствовать логике, поскольку будет нарушен баланс защиты частных и публичных интересов. В такой ситуации можно было бы распространить полномочия по оспариванию таких оспоримых сделок органам публичной власти (в частности, прокуратуре, а также иным публичным субъектам в зависимости от отраслевой сферы деятельности), однако в такой ситуации все иные лица фактически будут «заложниками» таких публичных органов. То есть всем остальным для реализации своего интереса в оспаривании не останется ничего иного, как обращаться в прокуратуру и иные соответствующие органы публичной власти с просьбой об обращении в суд с иском о признании недействительной такой оспоримой сделки. Полагаем, что такой подход связан с излишними затруднениями и не может быть предложен в качестве предложения по совершенствованию законодательства.

В целом можно также признать, что оспоримость сделки преследует защиту частного интереса, в рамках которого заинтересованное лицо само определяет обращаться ли его с соответствующим иском в суд. В тоже время, стоит отметить, что установление в законе ничтожности сделки может быть направлено на защиту как публичного, так и частного интереса. В рамках общего правила видится защита публичного интереса, и только в порядке исключения, при наличии определенных жизненных обстоятельств (условий) – защита частных интересов.

Принимая за основу разграничения ничтожных и оспоримых сделок критерий вида защищаемого интереса (частного или публичного), стоит сделать ряд замечаний в отношении некоторых составов недействительных сделок.

Как уже было отмечено ранее, в настоящее время применительно к проблеме разграничения ничтожных и оспоримых сделок актуализировался вопрос о понятии публичного интереса. Отсутствие четких критериев отнесения к сфере публичных интересов тех или иных видов правоотношений сказывается и на отсутствии единства в необходимости отнесения конкретных видов обязательств к этой сфере.

Как в научных исследованиях, так и в судебной практике к публичным интересам традиционно относят интересы общества (неопределенного круга лиц, социальной группы), государства и муниципальных образований, т.е. публично-правовых образований.

Публичные интересы в самом широком виде могут быть сведены к основным задачам функционирования государства в целях процветания социума,

закрывающимся в защите жизни и здоровья граждан, обеспечении возможности и организации их труда, а также стабильном гражданском обороте.

Исходя из такого понимания, мы полагаем, что нарушение публичного интереса будет в тех случаях, когда речь идет о посягательствах на такие отношения, которые находятся под защитой уголовного закона. С учетом того, что отношения в области уголовного права складываются между лицом, совершившим преступление, с одной стороны, и государством, с другой, можно говорить о том, что такие посягательства обладают повышенной общественной опасностью. В силу этого они попадают в сферу уголовного права, которое является публичной отраслью права. При этом следует учитывать и то, что именно этими обстоятельствами обусловлены и характер применяемых наказаний, и то, что в большинстве случаев они применяются по инициативе государства (дела публичного обвинения), а не потерпевшего (дела частного обвинения).

В этом отношении можно высказать недоумение в отношении того факта, что сделки, совершенные под влиянием насилия или угрозы, в настоящее время являются оспоримыми. В соответствии со ст. 179 ГК РФ, действительность таких сделок поставлено под условие их оспаривания со стороны потерпевшего. В случае отсутствия соответствующего иска сделка должна признаваться действительной и порождать именно те последствия, которые предполагались виновной стороной.

Обращаясь к уголовному законодательству, можно обнаружить, что похищение к совершению сделки с помощью насилия, угрозы и т.п. квалифицируется как преступление в соответствии со ст. 179 УК РФ¹. Кроме того, дополнительно можно обратить внимание на тот факт, что Уголовно-процессуальный кодекс² в ст. 20 относит данный состав к числу дел публичного обвинения. Это означает, что уголовные дела по таким составам могут быть возбуждены и по факту обнаружения признаков такого преступления. При этом наличие соответствующего заявления со стороны потерпевшего совершенно не обязательно (ч. 2 ст. 21 УПК РФ).

При таком подходе законодателя может получиться следующее.

В случае обнаружения признаков преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ, должно быть возбуждено уголовное дело. Виновный в таком преступлении должен быть привлечен к уголовной ответственности и, соответственно, понести уголовное наказание. Однако с позиции гражданского права ситуация может развиваться в несколько ином русле. Если такие сделки отнесены к числу оспоримых, то при отсутствии искового заявления об оспарива-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. №25. Ст. 2954.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.

нии со стороны потерпевшего, такая сделка должна признаваться действительной. Вследствие этого, она должна влечь именно те последствия, которые были желательны виновной стороне. Можно также предположить, что если потерпевший не выполнит свои обязательства по сделке, то виновный будет вправе обратиться в суд с иском о понуждении к ее исполнению.

Такое развитие ситуации представляется абсурдным, хотя оно вытекает из действующего законодательства при отсутствии искового заявления потерпевшего. Вследствие этого, считаем, что те действия, которые совершены при заключении сделки и образующие состав уголовного преступления, не могут считаться затрагивающими только частные интересы. Понуждение к совершению сделки совершенно справедливо отнесено к числу преступлений, поскольку это затрагивает основы российского правопорядка и основы гражданского оборота. А это уже категории публичного права и их нарушение, безусловно, затрагивает публичный интерес. К примеру, сделка, совершенная с нарушением основ российского правопорядка, считается антисоциальной, и, безусловно, признается ничтожной сделкой (ст. 169 ГК РФ).

Вследствие сказанного, сделки, совершенные под влиянием насилия или угрозы, которые образуют состав уголовного преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ, должны рассматриваться как ничтожные. Аналогичные рассуждения можно привести в отношении сделок, совершенных под влиянием обмана или злоупотребления доверием. Это с правовой точки зрения может быть квалифицировано как причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения, что образует состав преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ.

Развивая данные рассуждения далее, можно добавить, что ничтожными должны признаваться любые сделки, которые нарушают запреты и (или) предписания публичных отраслей права (например, финансового, налогового и других). В качестве примера того, что это идея уже отчасти отражена в действующем законодательстве, можно обратить внимание на такие разновидности недействительных сделок как мнимые и притворные. Такие сделки, зачастую, совершаются с противоправной целью уклонения от уплаты налогов. И мнимые (п. 1 ст. 170 ГК РФ), и притворные (п. 2 ст. 170 ГК РФ) сделки законодателем, безусловно, признаны ничтожными, что, полагаем, вполне справедливо.